

ШТРАУХ точен и правдив до мелочей. Он сознательно воспитал в себе лаконичную и ясную манеру выражать то, что думает. — Извините, если окажется, что это — не мое дело, — заявил мне однажды Максим Максимович, — но вот здесь, в этом абзаце вашей статьи, заложена острая мысль, а вы ее оформили слишком наскоро, информативно. Куда же спешили?.. Попробуйте пойти здесь через юмор, и все сразу обострится, станет свежее. Будете сердиться, да?

Честно говоря, я сердился. А он оставил меня и под видом каких-то неотложных домашних дел, ушел из кабинета. Наедине с собой и со штрауховским «ежом в мозгах» я переписал абзац. Перечитав правку, Максим Максимович деликатно заметил: «Вы же сами хотели так написать. Я просто почувствовал вашу тенденцию...».

Требовательный к людям, Штраух до жестокости требователен к себе самому.

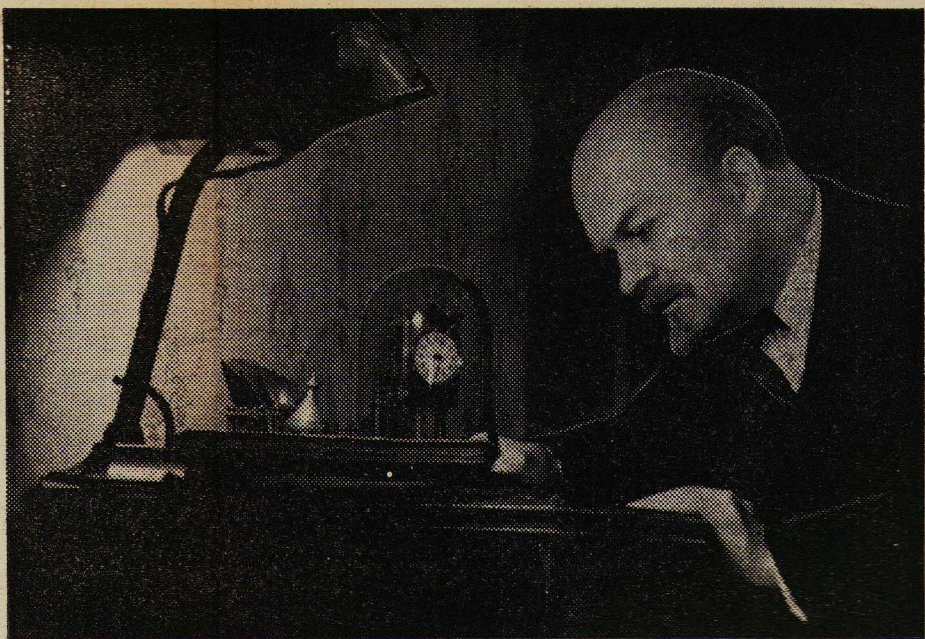
Помню, как накануне большой трагедии в его жизни — смерти жены и

стическую жизнь, — все питало творческую почву, на которой вместе с режиссером спектакля «Правда» в Театре Революции Николаем Петровым, а затем — с Сергеем Юткевичем в кино мне выпало счастье воплотить образ Ленина... Я никогда не видел Владимира Ильича при жизни. Но Ленин велик тем, что его образ чувствуешь в наших днях, во всех проявлениях эпохи. Так было со мной во время гражданской войны, в 1920 году, когда я, фельдфебель Главного штаба Реввоенсовета республики, вез в Ташкент, на Туркестанский фронт, пакет с адресом, надписанным лично Лениным...

Максим Максимович рассказывает, что, получив предложение режиссера Н. В. Петрова пробоваться на роль В. И. Ленина в спектакле «Правда», сомневался:

— Как же я могу создать образ Ильича? Вы посмотрите на меня...

О самой волнующей минуте признания первого своего опыта воссоздания образа Ленина — об отклике Надежды Константиновны Крупской, — как я ни добивался, Штраух говорил лишь общими фразами, явно стесняясь подробностей.

Кадр из фильма «Рассказы о Ленине».

К 100-летию со дня рождения В. И. ЛЕНИНА

ВОСХОЖДЕНИЕ К ВЕЛИКОМУ ОБРАЗУ

Александр КРАВЦОВ

...та, замечательной актрисы Ю. С. Глизер, — он вызвался подвезти меня в машине, отправляясь к ней в больницу. Мы уговорились встретиться через два дня и продолжить работу. Но через несколько дней я не отважился приехать к нему, потому что Глизер не стало. Я позвонил, чтобы извиниться, и услышал в ответ привычное решительное:

— Приезжайте, что же вы!..

Мы все знали, как тяжело переживает Максим Максимович утрату. Даже внешне он резко изменился. Но работал, как всегда, вдумчиво, неторопливо, требовательно...

Я следил за ним, за тем, как мужественно преодолевал он свое горе, и в эти минуты представлял его в роли Ленина в фильме «Рассказы о Ленине» — в том трагическом эпизоде, когда Владимир Ильич успокаивает уже почувствовавшую близость страшного исхода жену:

— Помнишь, что было самое страшное в тюрьме? Смириться... Вот так и сейчас... стану смирным, тогда конец... Я себя знаю... Не плачь, все будет хорошо, все будет хорошо...

«...Я терпеть не могу ни «натурализма», ни «физиологизма», — писал Штраух режиссеру С. Юткевичу в дни работы над этой картиной. — Поэтому мы, наверное, не будем с тобой показывать чувства физического угасания или хотя бы намека на то, что может вызвать сентиментальное чувство «жалости», которое никак не должно быть применено к образу Ленина».

Работать над образом Ленина неимоверно трудно. И работа эта идет годами, десятилетиями, каждым часом, каждым шагом по жизни. И такой процесс связан не только с заботами о портретном сходстве и внешних характеристиках признаков.

Образ Ленина складывался у Штрауха ВСЕЙ БИОГРАФИЕЙ его как художника, человека, гражданина. И это — не станем выбирать иного определения — подвиг жизни артиста...

Попытаемся хотя бы бегло проследить, как шел Штраух к воссозданию великого образа.

Сам Максим Максимович считает, что у него множество соавторов на этом пути.

— Если бы не было в моей юности встречи и близкого знакомства с гигантом-актером Федором Ивановичем Шаляпиным и безоглядного стремления добиться хотя бы в какой-то доле шаляпинского умения перевоплощаться, я бы не стал актером, стремящимся решить такую грандиозную задачу, — рассказывает Максим Максимович. — И не будь Сергея Эйзенштейна, нашей с ним юности, нашей работы с ним над «Броненосцем «Потемкин»», наших споров и нашей цели служить искусству революционному, мужественному и призывному, — не смел бы я приблизиться к ленинской теме. Образы рабочего Тимирязева в спектакле «Зори Пролеткульта», Руководящего лица в «Моем друге» Н. Погодина на сцене Театра Революции, встречи с Маяковским, Афиногеновым. Билль-Белоцерковским и другими прозаиками, драматургами, поэтами революционной темы, наконец, повседневная связь с людьми, строящими новую, социали-

Я прочел об этом в воспоминаниях Н. В. Петрова:

«Наконец настал решающий момент, — писал режиссер. — Декорации переставлены, прожекторы осветили сцену. Сценическое действие в Смольном началось стремительно.

Надежда Константиновна так же сосредоточенно и серьезно смотрела на сцену.

Мы притаились в ложе, внимательно наблюдая за ней и зная, что вот сейчас настает решающая сцена в спектакле.

Как будто что-то обожгло Надежду Константиновну, она откинулась на спинку стула и правой рукой закрыла глаза.

Зал гремел оглушительными аплодисментами, все встало и бурно приветствовало появление Ленина — Штрауха на сцене.

Трудно было начать диалог, так как зрители продолжали аплодировать. Надежда Константиновна медленно опустила руку и серьезно, внимательно стала вглядываться в Штрауха.

Как бы великолепно ни играл актер, как бы ни был он похож на близкого тебе человека, но... то, что для стороннего человека будет даже прекрасным, для тебя может быть оскорбительным...

Вероятно, правильно восприняв то, что происходило на сцене, помогла также и реакция зрительного зала. В этой небольшой сцене, длившейся не более пятнадцати минут, на каждом спектакле зрительный зал оглушительно аплодировал, вновь и вновь — раз десять, — принимаясь хлопотать в ладоши изо всех сил. Эта-то страстная реакция публики слилась... в сознании Надежды Константиновны со сценическим поведением Штрауха.

Ленин и восторженно, бурно принимающий его народ-зритель были едины и неразделимы...

Очень высокую оценку дала Надежда Константиновна и всему спектаклю в целом, и Максиму Максимовичу...

В тот же вечер Крупская поведла участникам спектакля любопытный и малоизвестный факт из биографии Владимира Ильича.

Надежда Константиновна рассказала о попытке В. И. Ленина... участвовать в любительском спектакле.

«Забавный случай произошел на этом спектакле, — сказала Надежда Константиновна, улыбаясь своим воспоминаниям. — Дело в том, что Владимир Ильич никак не мог согласиться ни с текстом, ни с поступками человека, которого он играл, и ему все время хотелось поступать наоборот, а не так, как написано. Не мог он поместиться в ту оболочку, которую предложил ему автор...

Любопытно и поучительно: и В. Шукин, и М. Штраух, углубившись в изучение ленинского характера, ощущали, что им тесно в рамках заданного сценария, что образ требует дополнительных выразительных средств, и становились соавторами сценаристов и драматургов. Штраух называет это проникновение в ленинский характер «высокочувствительным компасом-камертоном». Уже в «Правде» А. Корнейчука, в первой же своей работе над Ленинианой в театре, Штраух просил ввести в текст диалог Ленина с крестьянином Голотой. А позже, в работе над фильмом «Человек с ружьем», артист просил добавить в беседу с солдатом Шадриным короткий, но удивительно ленинский диалог:

— Простите, а как ваша фамилия? — Шадрин. Иван Шадрин. — До свиданья, товарищ Шадрин! — и пожимал руку солдату. — Уйти вот так, не узнав, с кем говорил, как зовут человека, Ленин не мог бы, — считал Штраух. — Он должен был узнать его фамилию!

Внимательно просматривая воспоминания близко знавших Ильича людей, мы приходим к выводу, что не просто творческое воображение, а обостренное чувство историчности, верности логике ленинского характера помогли Штрауху дополнить текст роли в пьесе Погодина. Из воспоминаний об Ильиче видно, что он не только всегда интересовался именем человека, но и обладал удивительной способностью через много лет вспомнить все, что связывало его с этим человеком, вплоть до подробностей и, конечно же, имени.

Штраух — один из тех актеров, которые умеют творить в полном контакте с писателем и постановщиком, но не в слепом подчинении авторской и режиссерской команде. Для исполнителя роли Ленина это качество, как показал опыт работы над Ленинианой, обязательно.

Режиссеров театра и особенно кино порой раздражает инициатива актера, его навязчивое: «Здесь лучше сделать так». С. Юткевичу незнакомо это ложное и в основе своей нетворческое чувство. Он приветствовал инициативу Штрауха, уважал ее безусловно. Это привело к странному на первый взгляд, но удивительно полезному явлению: во время работы над фильмом «Рассказы о Ленине» режиссер и актер, жившие тогда в одном доме, переписывались, то и дело фиксируя на бумаге мысли, которые приходили к ним во время репетиций, пробных съемок и вне стен киностудии. Нет нужды приводить здесь цитаты из этой переписки. Важно лишь заметить, что она — один из ценнейших документов для всякого, кто так или иначе соприкасается с вопросами художественного воссоздания образа Ленина.

Путь М. М. Штрауха к тому качеству, которое вывело его в ряд первооткрывателей ленинского характера среди современных нам исполнителей роли Владимира Ильича, был труден. То, что принималось зрителями и даже критикой за победу артиста, Штраух считал лишь этапом, причем этапом далеко не всегда удовлетворительным. Его недовольство собой вошло в поговорку — оно всегда было почти мятежным, во всяком случае беспощадным до жестокости.

Народный артист СССР М. М. Яншин рассказывал мне, что однажды случайно зашел в репетиционное фойе Художественного театра и долго не смог продолжать свой путь, прикованный, зачарованный сценой из «Дяди Вани», в которой играла молодая А. К. Тарасова — Соня:

— Она произносила лишь одну фразу... Но как произносила, какая бездна мыслей и чувств была за этим — пересказать невозможно. Проникновение в истинную жизнь и вместе с тем в художественную глубину. В тот день В. И. Немирович-Данченко сказал мне: «Ради такого вот явления живет театр. К нему-то мы и стремимся в бесконечных наших поисках-трусах, страданиях творческих».

К такой вершине актерского постижения образа Ленина стремился и

Штраух. Он знал, верил, чувствовал, что вершина эта — впереди. Он искал ее, работая самоотверженно, находя в себе силы отказываться от повторения уже пройденного, даже если это была удача.

И Штраух приблизился к вершине. Мы увидели это в фильмах «Рассказы о Ленине», а затем «Ленин в Польше».

Исполнение Штраухом роли В. И. Ленина в этих фильмах убеждает и потрясает одновременно.

Невозможно забыть эпизод огромной трагической силы, в котором Ленин, узнав тщательно скрываемую от него правду о внутренней борьбе в партии, о фракционных по существу расприх, испытывает почти физическую боль и в следующее мгновение заявляет домашним: «Завтра поедем в Москву».

Здесь-то и вспоминаются слова Немировича-Данченко о великом моменте постижения жизни, ради которого живет искусство. Но такой момент в последних ленинских работах Штрауха оказался не единственным.

Вот в «Рассказах о Ленине» мы встречаем Владимира Ильича в основном в обстановке домашней, далекой от кипящих событиями жизни, даже больше — сознательно охраняемой от влияния этих событий. А Штраух создает образ Ленина-борца, человека, готового на все для главного дела своей жизни, ради будущего страны и народа.

Новое качество, достигнутое актером, позволило режиссеру С. Юткевичу в фильме «Ленин в Польше» смело развернуть образный строй, найти на редкость выразительные средства художественного воплощения ленинской мысли.

Исполнение Штрауха позволило режиссеру «сломать» стены камеры, в которой был заключен Владимир Ильич в начале империалистической войны, и показать Ленина идущим по полям сражений, вдоль окопов, под выстрелами, рядом с людьми, брошенными в бессмысленную кровавую авантюру капиталистических правительств.

Нет сомнения в том, что великодушным исполнением роли Ленина в фильме «Шестое июля» талантливый Ю. Каюров многим обязан зачинателям нашей актерской Ленинианы, в том числе поискам и победам Штрауха. Радостно, что достижения старших творчески наследуются молодыми режиссерами и актерами.

— Воссоздание образа Владимира Ильича — дело коллективное. Оно не может быть достойным лишь одного-двух актеров и режиссеров, — говорит народный артист СССР, лауреат Ленинской премии М. М. Штраух. — Я всегда буду приветствовать новых исполнителей роли Ленина, не любой удачный выход актера, похожего на В. И. Ленина, а подлинное воплощение образа, серьезное, глубокое, разностороннее. Этот образ нужно оберегать от иллюстративного исполнительства на сцене и на экране. Трепетное отношение к великому образу — вот первое и главное требование к художнику. Совесть наша велит нам поступать только так.